

В 2014 году Захар Прилепин стал лауреатом премии «Большая книга» за роман «Обитель». Не могу не присоединиться к жюри: блестящий роман и исключительно талантливый. Впрочем, сомнений не было и раньше: Захар Прилепин — одарённый бытописатель. Его изображению поддаются сложнейшие, труднейшие для писательской кисти эпизоды. Вот, в той же «Обители», эпизод начала «любви» (страсти?) Артёма (заключённого) и Гали (чекистки, да ещё и любовницы начальника лагеря Эйхманиса) — с одной стороны: страсть, желание, с другой — смерть. И как ярко, без пошлости рисует это писатель. Тут любому мастеру есть чему поучиться. Я редко какие книги читал с таким увлечением. Я — верил. Захар Прилепин написал так, будто сам не один год провёл в СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения). Интересно, какие документы смог он найти, чтобы написать такую правду? Где проходит грань между реальностью и вымыслом? В том-то и дело, что чем талантливее писатель, тем тоньше, тем незримее эта грань.

Вероятно, в романе были эпизоды, в которых можно было бы усомниться, но мне не хотелось сомневаться. И только в самом конце, в послесловии уже, быть может, совсем не нужном, когда я прочёл: «Я не люблю советскую власть. Но ещё больше я не люблю людей, которые её не любят. Это отчасти примиряет меня с ней» (цитирую по памяти), — я почувствовал, что моё очарование от романа начинает таять. Я не знаком с Захаром Прилепиным, не сомневаюсь, чуждая мне натура — тут я почувствовал, что единожды или даже дважды это обо мне. Что из-за нелюбви к таким, как я, он готов примириться с дьяволом, то есть с советской системой. Вот тогда только я стал вспоминать, особенно один эпизод, показавшийся мне при чтении незначительным.

...На стене у чекистки Гали висит портрет не Сталина (а ведь Сталина все должны были любить больше, чем собственных детей, родителей, возлюбленных!), а — Троцкого! Троцкого!!! А ведь уже 1929 год, автор не называет дату, но — высчитать легко, через несколько месяцев начальника лагеря Эйхманиса сменил Ногтев. Итак, 1929 год, сопротивляющегося Троцкого уже вынесли из московской квартиры, отправили в Алма-Ату, а затем депортировали. Он уже враг народа. Уже идут первые процессы (главные — впереди), посадки,

и — портрет?! Пусть в послесловии Прилепин поясняет, что энкавэдэшница Галя — личность реальная и служила в Гражданскую в поезде у наркомвоенмора Троцкого. Всё равно, этого не могло быть, я имею в виду портрет на стене. Ошибка автора? Сначала я думал: ошибка, случайность.

Да, если ничего не знать про Захара Прилепина, прочитав «Обитель», его можно принять за либерала. Тем более, когда-то сотрудничал в «Новой газете». Художественная правда бывает выше и сильнее автора. У автора — человеческие страстишки, интересы, взгляды, выгоды, а правда — одна, великая, вечная! Если задуматься, в «Обители» самое главное, может быть, не то, как описывает Прилепин Артёма, Галю, Эйхманиса, Ногтева, даже Секирную башню, где казнили живьём, где сдирали кожу, мучили, издевались — много об этом страшном месте написано, не Прилепин первый — но: с и с т е м а, н а р о д. Красноармейцы, которые, не задумываясь, расстреливают. Люди-роботы красной идеи. Красный фашизм. Сталинизм — это не Сталин плюс Ежов, и не Сталин плюс Берия. Сталинизм — это Сталин плюс народ, те самые 80 процентов.

Приезжает из Москвы комиссия, расследует, судит за зверства, расстреливает!!! Расстреливают те же красноармейцы! Комиссия уезжает и — всё то же, те же издевательства, тот же режим. Вот они, люди! Вот она, страна, разделенная на тех, кто сидит, и на тех, кто охраняет. Время от времени они меняются местами. Да ведь не просто либерал Прилепин. Либералиссимус! Не меньше, чем Светлана Алексиевич.

Да, если бы не знать! Но вот настали Крым и Донбасс и — совсем другая, национал-патриотическая риторика. Настал момент истины — и тотчас наши левые превратились в милитаристов. Только превратились ли? Да нет, были! Всегда были! «Русские люди готовы потерпеть ради высоких целей». Писатель — судья? Определяет, что значит «высокие»? Из-под либеральной «Обители» вылезает леворадикальный «Санькя». Ладно, тут — особенное, тут задето национальное чувство, тут обстоятельства противоречивы, я имею в виду Крым и Донбасс, правда — многослойна. Возьмём другой пример...

С разницей в несколько месяцев с награждением за «Обитель» опубликовано было «Письмо товарищу Сталину». Это уже манифест. Да ещё ёрнический, от имени «либеральной интеллигенции». Трудно даже понять, какое чувство сильнее владеет писателем: любовь к Сталину или ненависть к «либеральной» интеллигенции. А, кстати, бывает другая интеллигенция, не либеральная? «Завластная, засталинская, национал-патриотическая»? Это,

скорее, советская мутация. Родовой признак русской интеллигенции: оппозиционность к власти, защищающей несвободу.

Но вернёмся к письму. «Это ведь не мы убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов». Ну да, понятно, не коллективизация, не новое крепостное право, не «философские» поезда и пароходы, не сталинские лагеря, не дела «Промпартии» или «врачей», не уничтожение генетики, кибернетики и многих других наук — это ни в одной другой стране так высоко не ценили — вплоть до расстрела — писателей. Это — либеральная интеллигенция виновата. Но, может быть, Захар Прилепин имел в виду ельцинских реформаторов-псевдолибералов? Так вот, к девяносто пятому году пути ельцинской бюрократии и либеральной интеллигенции разошлись. Хотя... и в девяносто шестом пьяница Ельцин был лучше сталиниста Зюганова.

«Мы говорим, что ты сам хотел развязать войну, хотя так и не нашли ни одного документа, доказывающего это». Ни одного документа? А пакт Молотов-Риббентроп? А война с Финляндией? А совместный разгром Польши? А кто вскармливал до последнего немецкий нацизм? Где тренировались лётчики люфтваффе? А Катынь?

«Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решен. Ты положил в семь слоёв русских людей, чтобы спасти жизнь нашему семени». Красиво! Правда всегда противоречива и трудна, зато ложь велеречива и выспренна.

Никита Михалков — не первый, наверное, антисталинист и «патриот» не меньший, чем Прилепин. Так вспомним, с чего начинается его «Цитадель». Пьяный генерал посылает на смерть солдат. Многократно посылает, безжалостно.

Наверное, плох тот солдат, который очень жалеет себя, но стократ хуже генерал, солдат не жалеющий. Но особенно — Верховный, ничем не рискующий в своём кабинете. Сколько солдат по его воле, упрямству, непрофессионализму оказалось в окружении под Киевом, сгнуло в Харьковском котле, под Ржевом, во Второй ударной армии Власова, сколько погибло, чтобы рапортовать о победах точно к революционным датам? Это под его мудрым руководством мы потеряли больше, чем все враги и союзники вместе взятые, чем Россия во всех вместе предыдущих войнах. Но «он спас жизнь нашему семени».

...Но вот культовый роман Захара Прилепина «Санья». Некий «Союз созидающих» (интересно, что созидаёт эта люмпенская, безбашенная тусовка? Или тут главное — аббревиатура «СС»?), созданный бывшим офицером (!) Костенко. Под прозрачными псевдонимами читается: партия национал-большевиков и её лидер Лимонов. Захар Прилепин и сам — был? остаётся? — в учениках у Лимонова. Странная, эпатажная смесь левого большевизма и правого имперского национализма.

Лимонов давно вызывал у меня антипатию. В конце 80-х, кажется, я открыл его книгу «Это я, Эдичка» — надо же, в том самом месте, где наш герой занимается оральным сексом с огромным африканцем. Мне стало противно, я почувствовал тошноту и с тех пор Лимонова не читал. С Лимоновым мне всё ясно: самовлюблённый, извращённый нарцисс, тип исключительно эпатажный, на всё готовый ради минуты славы. Он не лишен некоторого таланта, но — чему может научить столь душевно болезненный литератор? Надо же, с КГБ не ужился (или блеф?), а за бугром — левак. Здесь он себя к Лобному месту не приковывал, страшно, зато т а м — к зданию New York Times, славы искал не меньше, чем любви африканца.

Да, вот он, бывший офицер Костенко. Бузят собранные им ребята. Протестуют... Есть против чего протестовать, конечно. Но — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Переходящий в прямой бандитизм. Борьба с «кровавым режимом» посредством переворачивания уличных урн. Драка с «хачиками», пьянка на вокзале, грабеж, опять пьянка, беганье от милиции.

А ведь Захар Прилепин героя своего любит. Пытается облагородить, очеловечить. Показывает вымирающую русскую деревню. Вот они, корни. Вот: жизнь и — боль. Одинокий, единственный в деревне ребёнок изо дня в день рисует прутиком в луже. Молодёжь, регулярно гибнущая по пьяни на мотоциклах. Эпопея с гробом, который десятки километров везут по бездорожью. Россия...

...Мечется, мечется прилепинский герой, Санья, мечется и не понимает. Зато ненавидит. Люто. Им есть что ненавидеть, этим зверёнышам, этим изгоям, выброшенным из обыденной колеи, этим маргиналам, не сделавшим даже слабой попытки вернуться в нормальную жизнь. Вместо этого — ненавидят «буржуазное общество», успешных людей. Оно действительно жестоко, это общество, оно воровское, несправедливое, но сами-то что? Кто? Отбросы.

Однако в самом деле, «ты и убогая, ты и могучая». Злобные маргиналы хотят покорить мир. Они — судьи! Носители справедливости! По заданию сидящего в тюрьме Костенко (Лимонов, участник войн в Абхазии, в Придне-

строе и в Югославии, автор статей «Лимонка в хорватов» и «Чёрный список народов», возбуждавших межнациональную ненависть, «сидел» за подготовку вооружённого вторжения в Казахстан для защиты русского языка от его населения), да, так вот, по заданию Костенко решено поднять российский флаг над рижской башней. В чужой стране! И — поднимают! Действительно было. А дальше: суд в Риге, четыре года участникам акции. И вот уже Санька по заданию партии (вспоминаете? — и это было; опять играем в большевиков) отправляется в Ригу с револьвером — убить судью, вынесшего приговор. Это уже фантазия Прилепина. Но в их духе. В всё дозволено. Терроризм. Причём терроризм международный. Автор мог бы осудить своего героя, мог бы показать его не в лучшем свете. Но — симпатизирует и заставляет сочувствовать читателей. У них — иная правда, иные понятия, иная мораль. Художественная правда, а иногда и полуправда, сливается с ложной идеей. Это ещё не терроризм. Не настоящий терроризм. Но — литтероризм. Литтероризм как порождение идеологии национал-большевизма.

Можно догадаться: если бы роман закончен был на несколько лет позже, Санька и иже с ним отправились бы в Донбасс. Воевать «с фашистами». Из озлобленных, безголовых правдоискателей очень часто получаются убийцы. Да, они точно так же отправились бы в Донбасс, как Савенко-Лимонов, он же Костенко — в Югославию. Эти люди всегда уверены, что все, кто против них, — фашисты. Другие, но не они.

Кажется, ещё время Ельцина. Яна, молодая девчонка, бывшая любовница Костенко (опять параллель? В 1998 году 55-летний Лимонов начинает сожительство с 16-летней школьницей Настей Лысогор), бросает в голову президента (Ельцина??? Или? И подумать страшно) пакет с томатным соком, майонезом, сметаной и прочими ингредиентами «коктейля Лимонова». Я давно не люблю Ельцина. Но — опять литтероризм?

Понятно, что против «Союза созидающих» начинаются репрессии. В ответ, даже не в ответ — на опережение — «созидатели» устраивают «революцию» в областном центре: захватывают сначала базу ОМОНа, затем областное управление МВД и, наконец, здание обладминистрации. Ленинская формула революции усовершенствована Прилепиным: не вокзал и телеграф, а базы силовиков...

Сказать по правде, глупый, мальчишеский финал, безнадежный.

В аннотации к книге написано: «горьковская «Мать» XXI века». Но чувствуете разницу? Там — пролетариат, по Марксу, здесь — люмпены-нацболы, по Лимонову и Прилепину.

О, широка, идейно безгранична наша литература, если на одном её фланге «Бесы» и «Преступление и наказание», а на другом — «Санькя». Да ещё где-то посередине «Чапаев и Пустота». Санькя ведь — один из этой тёмной, неразличимой пелевинской массы пролетариев.

Нет, я не могу упрекнуть Прилепина в том, что он плохо написал. Напротив, он хорошо написал, он талантлив, замечательный бытописатель и психолог, он блестяще описал феномен классовой ненависти и люмпенщины, тут претензий нет. Но — какова его идея? Что, кроме ненависти? Нет ответа. Художественная правда отталкивается от ложной идеи. Прав был классик: трагедия оборачивается фарсом.

Всё фарс: Лимонов, лимоновщина, национал-большевизм. Оттого и художественная правда скукоживается, теряет масштаб. И оказывается мелок Санькя. Обыкновенный хулиган. Только с обложки книги смотрит чистое, безудное, совсем не брутальное лицо почти мальчика.

Большой писатель в России всегда учитель, но чему, кроме «пацанской солидарности», может научить Захар Прилепин? Блестящий бытописатель, но не мыслитель. Не Достоевский, не Лев Толстой, скорее, их антипод. Они учили любви, он — ненависти. Оттого жестоки, брутальны его герои. Вернее, он выбирает именно таких. Между тем масштаб писателя определяется не только талантом, но и масштабом личности тоже. Но как переустроить мир, Прилепин не знает. Лимоновщина не рецепт.

На этом, пожалуй, можно было бы закончить с «Санькёй», но... Известный российский олигарх, президент «Альфа-банка» Петр Авен обрушился с критикой на роман. Понятно, что олигарх выступает против революции. И пишет дальше: «Проблема наша не в том, что власти плохие (??? — Л.П.), а в том, что русский народ ленив» (?! — Л.П.). Прилепина и его героев Авен называет неудачниками, лузерами, которые ничего не могут, не способны «делать дела» (?! — Л.П.), поэтому идут в политику и на баррикады. «А я и мои коллеги, — заявляет Авен, — заработали свои капиталы честным трудом, и нам не за что просить прощения у народа». Ой ли? Это они-то, олигархи, заработали честным трудом? Да весь российский капитализм стоит на коррупции, разворовывании государства и рейдерстве. Сам отец приватизации Чубайс признавал, что «российская приватизация не была ни справедливой, ни честной». Так что не напрасно грезят Санькя и другие прилепинские герои о неизбежной новой революции. Вот только как бы ни плоха была власть, эти «революционеры» ещё страшнее. Вот так и бьётся Россия — между нынеш-

ней властью и призраком Хама, идущего во власть. Да что там, вчера ещё Лимонов с Прохановым смотрелись крайними маргиналами, а сегодня — мейнстрим. Так что, увы.

Напрасно Прилепин играет в справедливость, напрасно романтизирует своих героев. Куда ни кинь, везде клин.

Роман Захара Прилепина «Патологии» дебютный. О Второй чеченской войне. Роман очень удачный, к тому же одно из немногих произведений о страшной войне, которая прошла где-то рядом, ожесточила российское сознание, стала прологом к слову младенческой и хрупкой российской демократии, но все же мало кого из нас затронула близко. В романе почти нет идеологии, нет оценочных категорий — и это, наверное, огромное достоинство — в романе только страшная правда о войне и о людях на ней. В романе Прилепина мы видим войну только с одной стороны, от нас многое ускользает — причины войны, история российско-чеченских отношений, её (войны) тайные пружины, чеченцев мы видим только через прицелы автоматов, — но и за то, что показал писатель, за маленький фрагмент этой полной ужаса бойни, мы должны быть Захару Прилепину безмерно благодарны. Прежде всего, за правду. Он не приукрашивает наших бойцов, показывает их такими, как есть. Огрубевшими от войны, одинаково способными на убийство и на подвиг, беспощадными, но и жаждущими любви. Среди пепла, ужаса и крови Егор Ташевский, главный герой, от имени которого ведётся повествование, то и дело вспоминает свою девушку — это не просто любовь, это подсознательное стремление вырваться из ада.

И лицо войны — страшное, беспощадное. Вот «наши» задерживают шестерых чеченцев и расстреливают их, не слишком разобравшись, боевики или мирные жители. Трупы сжигают. И только когда они горят, начинают взрываться спрятанные в сапогах патроны. Или расстреливают автомобиль и водителя, опять же, наугад. Множество таких эпизодов. Сцены войны перемежаются со сценами торговли. И снова бои, расстрелы пленных, пьянство, пьяный прапор играет с гранатой и едва не убивает своих, чеченцы отрезают голову русскому офицеру и, наконец, бой, долгий, мучительный, когда и счёт времени потерян, и смерти, смерти, смерти ребят. Сгущённый, сконцентрированный ужас войны. И вот финал: батя, командир — не щадя жизни, он пробивается к своим солдатам, спасает выживших, командует, кажется, вот он, безупречный пример, а он занывает премию, предназначенную солдатам. Грязная война, где всё вперемежку: храбрость, самоотверженность, ис-

полненный долг — и рядом предательство и воровство. Понятно, о смысле этой войны речь не идёт.

Я бы расценил «Патологии» как очень сильный антивоенный роман. Хотя, кто знает, писатель мог иметь в виду совсем другое. Тут кому как. Сам Прилепин много раз ездил в Донбасс и осуществлял там не только гуманитарные миссии. . .

Наконец, ещё один роман Прилепина — «Чёрная обезьяна». Как написано в аннотации: «портрет больной души, изнемогающей в тупиках плоти и лабиринтах рассудка». В романе мешанина из добрых семейных сцен, немотивированного поведения героя, «любовных утех», «хачиков», визит к проститутке, несколько ксенофобских абзацев, картины вырождения, пьянства, умирания русской деревни и маленьких городков, таинственная лаборатория, где обследуют особо жестоких детей, средневековая легенда о «недоростках» и о безжалостных малолетних солдатах, воюющих в Африке. Хотя ведь были и настоящие малолетние солдаты-«большевики», учинившие геноцид в Кампучии. Тема о детской жестокости заявлена главной, но по существу — ничего, автор обходит её по касательной. Трудно сказать, в чём главная мысль романа. Больное общество? Что-то неладное происходит то ли с Россией, то ли с героем, то ли с самим писателем?

Вы можете представить, чтобы автор «Войны и мира» написал ещё и «Кавалера Золотой звезды»? С Захаром Прилепиным такое происходит. Один из талантливейших наших писателей постоянно мечется между большой художественной правдой и ложной национал-большевистской или имперской идеей. Между тем истинная величина писателя определяется не тем, как он пишет (это условие необходимое, но недостаточное), но тем, что он пишет, теми идеями, которые он несёт обществу и читателю.

P.S. Когда я готовил эту статью для альманаха, стало известно, что Захар Прилепин отправился в ДНР в качестве заместителя командира батальона спецназа. Что же, логично, сталинист взял верх над художником. Отец литературных героев-террористов отправился дорогой своих идейных сыновей. Ложная идея восторжествовала. Впрочем, это, скорее всего, только часть правды. А другая часть состоит в том, что Захар Прилепин решает некие рекламно-политические задачи, — и свои, и неких заинтересованных лиц (сил). По рекламе будущей книги, например, или (и) по облагораживанию лица сепаратистов. Если так, литература превращается в разменную монету, в подручное средство, в часть имперской пропаганды.